

Классификация признаков или иерархия таксонов?

Константин Евгеньевич Михайлов. Палеонтологический институт им. А.А.Борисяка РАН,
ул. Профсоюзная, д. 123, Москва. E-mail: mikhailov@paleo.ru

К.Е.Михайлов

*Второе издание. Первая публикация в 1997**

В последние годы в «Журнале общей биологии» идёт оживлённая дискуссия по проблемам классификации организмов и построения их естественной системы, в частности, обсуждается реальность надвидовых таксонов, смысл категории ранга таксона и принципиальное направление классификации («снизу вверх» или «сверху вниз»). Много в этом обсуждении спровоцировано неоднозначной реакцией отечественных систематиков на феномен кладизма как частного логико-философского направления в системе воззрений на классификацию организмов и его безапелляционную претензию на полноту отражения филогении.

Красной нитью в обсуждении обозначенного круга вопросов проходят публикации Г.Ю.Любарского (1991, 1992, 1993), отстаивающего принципы линнеевской систематики (от высших таксонов к низшим), типологическую реальность таксона и эпигенетическую осмысленность ранжирования таксонов. Как справедливо отмечает этот автор, разделение проходит не между кладизмом и не-кладизмом (в статье 1991 года им показано, что кладизм есть последовательное завершение генеалогической традиции мышления, начатой Геккелем), а между «целостным» и «признаковым» подходами к классификации.

Нельзя не согласиться и с его утверждением, что решить вопрос на уровне объектного языка систематики не удастся, так как речь идёт о более серьёзных разногласиях, определяемых разными онтологическими и эвристическими установками оппонентов.

Будучи полностью согласен с Любарским в его основных выводах, автор хотел бы поддержать его позицию, осветив проблему в несколько ином ключе. Вопрос в том, что такое классификация как акт мыслительной активности, насколько это процесс логический (дедуктивно-операционный) и насколько апперцептивный (целостный акт опознания ситуации, её структуры). Вопрос этот связан и с проблемой соотношения довербального и вербального уровней мышления и с тем, в какой мере организация нашей перцептивно-опознавательной системы отражает организацию реального мира. В частности, вопрос о разли-

* Михайлов К.Е. 1997. Классификация признаков или иерархия таксонов? // *Журн. общ. биол.* 58, 3: 107-112.

чий «физического» и «биологического» знания (Любарский 1993) – это лишь более отвлечённая философская интерпретация указанной проблемы. Обсуждать эту проблему, однако, невозможно, избегая понятийного аппарата таких дисциплин, как психология мышления и психология восприятия. Говоря образно, видение проблемы глазами Найссера (1981) и ван Дейка (1989), например, помогло бы нам здесь больше, чем видение её глазами Аристотеля или Поппера, хотя одно другого, конечно, не исключает.

Классификация (первичный акт трансформации сознанием какого-то фрагмента реальности, опознание объекта в каком-то значении) не является, вопреки утверждению кладистов и других сторонников «классификации признаков», формально-логической процедурой сравнения нескольких объектов. Классифицировать, т.е. опознать в конкретном «обобщённое» на разных уровнях (как тип, класс, отряд и т.д.), можно и единичный объект. Здесь Г.Ю.Любарский (1991) опять же прав, и интроспективно это знает любой систематик. В этом смысле классификация есть целостный акт уподобления объекта какому-то смысловому образу (мультивариантной структуре сознания), даже видение его сквозь иерархию подобных образов разной степени обобщённости (Величковский 1983). Другими словами, это мгновенное опознание ситуации на основе перцептивных пред-установок, или предвосхищений*. В частности, в психологической лексике (см., например: Петровский, Ярошевский 1990) понятия классификации (как акт сознания) и опознания обычно используются как синонимы в интересующем нас контексте.

Поскольку речь идёт об уровнях мышления, являющихся мета-уровнями по отношению к формально-логическому мышлению, то строго описать и определить акт опознания (= классификации) на собственном языке логики невозможно. В лучшем случае остаётся прятаться за туманное понятие индукции (вид умозаключения в логических дисциплинах), которому, впрочем, по свидетельству таких искушённых в данном вопросе экспертов, каким был Витгенштейн, соответствует процесс, имеющий чисто психологические основания (см.: Налимов 1979, с. 40). Отсюда понятно, что генезис предвосхищений (смысловых образов) в определённой мере индивидуально неповторим и непредсказуем, что отчасти и определяет творческий характер процесса классификации (понятие «генезис» используется здесь в онтологическом, а не психологическом смысле, т.е. как макрогенезис).

Логика же выступает как операционный механизм переложения индивидуально-опознанного (классифицированного) в ту форму изло-

* См. о механизме перцептивной деятельности по Н.Н.Ланге (Гипшенрейтер 1983), учение о перцептивных циклах (Найссер 1981); см. также об апперцепции (Психология 1990; Потемня 1989).

жения, всегда несколько упрощённую, которая возбуждает у перцептивно столь же опытного в данной области «приёмника» те смысловые поля, которые приводят его к сходному опознанию ситуации. Однако легче и ценнее бывает просто показать тот же самый объект (могут возникнуть равноценные варианты опознания), почему, в частности, действительно необходимы типы и типовые экземпляры.

Итак, в процессе акта опознания ситуации (акта классификации в нашем случае), т.е. понимания её структуры, или её смысла, сознание сравнивает целостные образы, используя иерархию промежуточных образов-предвосхищений: «Всякое актуальное воздействие вписывается в некоторое “целое”» (Величковский 1983, с. 159), или «нет предвосхищений – нет и восприятия» (Найссер 1981, с. 104). Неосознанно мы выражаем это положение в законном требовании необходимости хорошего владения материалом, что подразумевает наличие большого опыта деятельного перцептивного общения с определённым кругом объектов. В этом общении сознание не сканирует *n*-е число переменных, но схватывает объект как целое – как видение, например, узора ковра при взгляде сверху.

Несовместимость (или неполная совместимость) целостных образов, то, что лишь условно выражается в речи понятием «отношения сходства /различия», возбуждает вторичную активность опознавательной системы сознания, более линейно связанную с вербальным уровнем. Видение сходства и различия в конкретных признаках – это не что иное, как неспецифическая реакция данной активности, зависящая от смысловых предустановок данного индивидуума. Поэтому Г.Ю.Любарский (1993), несомненно, прав, когда указывает на то, что мы видим сходство/различие не в признаках (но как целое) и лишь выражаем его в признаках, т.е. отношение сходства/различия, выраженное в обращении к конкретным признакам, является лишь вербальным последствием целостной процедуры опознания. Поэтому сравнение одного и того же объекта с разными объектами или на основе разных перцептивных установок (т.е. разными людьми) неизбежно выражается в разных признаках (Любарский 1993). Это в полной мере творческий акт, а не компьютерное сканирование.

«Взвешивание» признаков также включено в акт опознания (классификации) и определяется организацией предвосхищений, т.е. всем индивидуальным опытом перцептивно-смысловой деятельности индивидуума с данной категорией объектов. Задать некий шаблон этого опыта или алгоритм его быстрого приобретения, что пытаются сделать в своих образовательных программах кладисты, невозможно. Перцептивная система нашего сознания построена таким образом, что при ра-

боте со сложным «признаковым целым» делает это быстрее и лучше, чем любой компьютер, и разница тем резче, чем сложнее пространство признаков. Адекватный мир предвосхищений, выравненный опытом долгого общения с известным рядом объектов, приобретает долгую подготовкой специалиста. В противном случае мы имеем хоть и хорошо компьютеризированную и математически сложную, но только «игру в систематику» с признаками-этикетками, неосмысленными в контексте устройства целого организма (в контексте морфогенетической интегрированности его организации, в том числе и в идеально-конструктивном смысле, о котором пишет Любарский).

«Строго логическая» классификация по совокупности признаков – это не более чем самообман. И как бы ни страдали от этого ревнители «чисто логических» подходов к классификации, изменить принципиальную организацию своего мышления (системы восприятия) они не в силах. Не в силах они и рационально описать саму психологическую процедуру «схватывания» знания и задать на языке логики строгие критерии истинности классификационных суждений (что, конечно, было бы очень удобно). Это верно постольку, поскольку – вопреки распространённому мнению – построение формализованных критериев проверки осмысленных суждений на их эмпирическую значимость так и не состоялось даже применительно к языку теоретической физики (критерии верификации и фальсификации таковыми не являются), а принцип интерпретации, которым мы все осознанно или неосознанно пользуемся, строго логической процедурой не является и более связан с выразительными возможностями языка науки, т.е. с семантикой (см. о проблеме: Карпович 1984). Самим же понятиям (многие из области сравнительной морфологии, эмбриологии, общей биологии) в разных школах классификации придаётся разный смысл.

Ещё один важный вопрос, затрагиваемый Г.Ю.Любарским (1993), касается ранговой организации таксонов. Небезынтересно здесь обратиться к результатам работ по микрогенезу зрительного образа (Величковский 1983). Данные результаты говорят о том, что видение (опознание) «общего» в объекте – что является важнейшей составляющей акта классификации – предшествует видению «частного». Испытуемые быстрее соотносят изображение конкретного объекта (например, розы) с именем его класса («цветок»), чем с его названием («роза»). И такое соотношение, т.е. такое направление родовидового упорядочивания наблюдаемого объекта, является имманентным свойством системы восприятия, а не некой «нагрузкой» последующего означения воспринятого на вербальном уровне. Сам Б.М.Величковский оценивает эти результаты так: «Постепенно пробивающее себе дорогу понимание того, что

абстрактная семантическая информация более непосредственно связана с восприятием сложного предметно организованного зрительного материала, чем со словесными значениями, можно без преувеличения назвать самым крупным достижением экспериментальной психологии за последние десять лет» (с. 164). Во всяком случае, этот факт опровергает исходное допущение кладистов о том, что классификация (сама суть явления) состоит в сравнении (сравнительном сканировании отдельных признаков) нескольких объектов, в результате чего происходит отвлечение от различий и вычленение сходств. Последнее действительно имеет место, но данная отвлечённо-логическая процедура выступает лишь как корректирующая дополняющая к уже схваченному (опознанному) сознанием целому, нечто вроде проверочного поведения по типу «викарных проб и ошибок» в экспериментальной психологии.

Ясно, что в контексте вышеизложенного типология и типологические направления в систематике приобретают исходный (линнеевский) нетривиальный смысл. Традиционное движение «сверху вниз» (от высших таксонов к низшим, а не наоборот) и понимание таксона как идеальной реальности (структурного универсума) согласуется с принципиальной организацией акта опознавания (классификации) от общего к частному. Что это – случайное совпадение или отображение некоего принципиального единства в онтологии реального мира, выявляемое, в частности, в строгих соотношениях и на языке математики, о чём опять же пишет Любарский?

Если верно последнее, то мы можем быть вдвойне уверены, что ранг таксона выступает не как генеалогическая условность (уровень ответственности на кладограммах), а как объективная реальность, отображающая уровни морфогенетической устойчивости с различными вытекающими последствиями в построении системы организмов и характеризующих её параметров. В этом случае линнеевское видение системы организмов, отстаиваемое Любарским, оказывается более верным по своей сути (хотя методологически более сложным), чем то, которое предлагает кладизм и другие варианты «признаковой классификации».

Л и т е р а т у р а

- Величковский Б.М. 1983. Образ мира как иерархия систем отсчёта // *А.Н.Леонтьев и современная психология*. М.: 155-165.
- Гиппенрейтер Ю.Б. 1983. Деятельность и внимание // *А.Н.Леонтьев и современная психология*. М.: 165-177.
- ван Дейк Т.А. 1989. *Язык. Познание. Коммуникация*. М.: 1-312.
- Карпович В.Н. 1984. *Системность теоретического знания (логический аспект)*. М.: 1-124.
- Любарский Г.Ю. 1991. Изменение представлений о типологическом универсуме в западноевропейской науке // *Журн. общ. биол.* **52**, 3: 319-333.
- Любарский Г.Ю. (1992) 2006. Биостилистика и проблема классификации жизненных форм // *Рус. орнитол. журн.* **15** (325): 683-700.

- Любарский Г.Ю. 1993. В лабиринтах биониты // *Журн. общ. биол.* **54**, 6: 745-755.
- Найссер У. 1981. *Познание и реальность (смысл и принципы когнитивной психологии)*. М.: 1-229.
- Налимов В.В. 1979. *Вероятностная модель языка (о соотношении естественных и искусственных языков)*. М.: 1-304.
- Потебня А.А. 1989. Мысль и язык // А.А.Потебня. *Слово и миф*. М.: 1-622.
- Петровский А.В., Ярошевский М.Г. (ред.) 1990. *Психология: Словарь*. 2-е изд. М.: 1-494.

ISSN 0869-4362

Русский орнитологический журнал 2018, Том 27, Экспресс-выпуск **1566**: 679-682

Зимнее гнездование кряквы *Anas platyrhynchos* в парке Воронежа

О.Г.Киселёв, Н.П.Ашуров

Олег Георгиевич Киселёв, Николай Павлович Ашуров. Союз охраны птиц России, Центрально-Чернозёмное отделение. E-mail: kiselyov.lesovik@yandex.ru; anp54@yandex.ru

Поступила в редакцию 28 января 2018

Для некоторых видов перелётных птиц в условиях Воронежской области нередки случаи зимовки, наблюдаемые в основном в зимы с относительно мягкими погодными условиями. С 1998 по 2018 год на незамерзающих участках естественных и техногенных водоёмов в Воронеже отмечено 18 видов зимующих водоплавающих и околоводных птиц. В некоторые годы встречались такие редкие для нашей области виды, как лебедь-кликун *Cygnus cygnus*, луток *Mergellus albellus*, хохлатая чернеть *Aythya fuligula*, серый гусь *Anser anser* (Соколов 1999; Киселёв 2012). Кроме того, на зимовке здесь отмечены лысуха *Fulica atra*, камышница *Gallinula chloropus*, водяной пастушок *Rallus aquaticus* и погоньш *Porzana* sp., а также белая трясогузка *Motacilla alba* (Соколов и др. 2014; данные автора). Самая многочисленная на зимовке птица – это кряква *Anas platyrhynchos*. Если все перечисленные виды птиц встречаются в числе от нескольких единиц до нескольких десятков, то в стаях крякв насчитывалось от нескольких сотен до 3-5 тыс. особей (данные автора).

Зима 2017/18 года оказалась уникальной по погодным условиям. Устойчивый снеговой покров в Воронеже в последние два десятилетия (с 2000 года) устанавливается в среднем 26 ноября, самая поздняя дата – 11 декабря 2002. В ноябре-декабре 2017 года устойчивого снегового покрова не было. Снег лежал с 22 ноября по 3 декабря и с 23 по 26 декабря. По-настоящему устойчивый снеговой покров установился